

Алексей ИВИН

г. Киржач

Владимирской обл.

Доискиваясь причин своего поведения, семидесятилетний Воропанов признавался себе, что это была своеобразная презентация: отважное выступление деревенской дуры со своим выкормышем на городской авансцене. Ни сама дура, ни тем более семилетний (или, может, десятилетний) Воропанов не думали, что это так. Мать считала, что ей надо бы съездить к городской подруге, а сына не с кем оставить; и потом: уж очень он просился в гости. Для великой Истории с ее Тутанхамонами, Судрабкалнами, Нарасимха Рао и принцем Нородомом Сиануком частная поездка матери с ребенком верст на пятьсот от дома — ничтожное событие. Но вот, однако ж, как говорили в старину, оно отложилось и стало Воропанову ближе, чем эти четверо и миллионы их современников.

Надо тоже понять, что, когда супруги живут непутем или в разводе и есть дети, у жены часто сохраняется возможность прихватить, приватизировать (прости, Господи, уже моих современников с их этой идеей) одного из детей. Супруги разводятся и, поскольку, бедные азиаты, имущества не нажили, делят детей: не всегда через суд, не всегда гласно и легально. И вот семилетний Воропанов стал у матери любимцем, и она поехала с ним «на города», чтобы им похвастать, по-

гордиться. Возможно, женщины лучше бы рассказали, как это у них происходит, что они гордятся детьми, но раздел сфер влияния в семье — вопрос сложный, и мы не станем сейчас вдаваться в его решение. Бывает, к слову, даже так, что многолетний любимчик со временем становится сволочью в глазах любящей матери; так что, кто хочет подробностей на эту тему, отсылаю к романам М. Е. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина» и «Господа Головлевы».

Тем более что Зинаида Воропанова из деревни Красный Кут отправилась как раз в те места, в большой город на Волге. Воропанов не запомнил подробностей или ярких картин, да они его и не тронули бы теперь. Только при подготовке в школу обнаружилось, что ребенок близорукий, а что он истощен, золотушный, кривоват, в хроническом насморке и дебил, наблюдатель определил бы с уверенностью сразу. У матерей же, как известно, есть еще и это свойство: им кажется, что их чадо — эталон всех достоинств. Так что в определенный час летом малыш, щурясь и спотыкаясь, шел с деревенской мамой за ручку в районе домов-новостроек, и та спрашивала у прохожих улицу Судостроителей (в городе выпускали небольшие речные теплоходы).

У цыпленка, который проклюнул скорлупу, мир иной, чем у того, кто в ней сидит закупоренный, но все-таки еще не тот, что у старого петуха, которого завтра готовят в суп. В те годы Воропанов только проклюнулся из яйца, но удивления от мира не испытал — по близорукости: у него сразу, по сравнению с другими детьми, обнаружались такие несовершенства, что, как Илья, развернуться всеми силами смог только к тридцати трем годам. А пока же он чувствовал, что без матери не перейдет и дорогу, что голова зудится, сопли текут, коленку соскребнул, а пятку натер. Он шел, хныкал и канючил: «Ну, мам, ну когда же придем-то? Я устал!» — «Потерпи! — отвечала мать. — Сейчас еще спросим. Странные какие: в своем городе не знают улиц».

Мать затем выпадает из круга впечатлений. Как прошла встреча с Сандаловыми, Воропанов не помнит. Возможно, что их фамилия была не Сандаловы, а Имбиревы или Фейхоа, но совершенно точно, что это было какое-то индийское дерево. Ребенок же воспринимал ее как производную от «сандалий», потому что любил эту обувь и у него у самого были — приятные,

желтенькие, с ремешками: как гулять, так полные подошвы набьются песку и камушков. И вот мать из впечатлений дня совсем выпадает, а себя Воропанов видит стоящим на солнечном балконе на третьем или пятом, что ли, этаже. Он стоит на балконе и смотрит, как внизу под ним шмыгают маленькие люди. Балкон нависает над тротуаром, и у мальчика наметилась игра: как только кто-нибудь проходит внизу, он набирает полный рот молодой густой слюны и плюет. Он не всегда точно попадал, зрение-то слабое, и плевал с большим разбором: только на стариков. И добился, что при воспроизведении дальнейших впечатлений всплывает шумная сцена с очень лысым бледным стариком в костюме с орденскими планками (из чего следует, что приезжали они в город на майские праздники — Первомай и День Победы), и этот заслуженный старик со своей старухой, которая тоже была нарядно одета по случаю праздника, так орал, ругался и грозился, что на балкон вышел кто-то из Сандаловых. «Мальчик, нельзя себя так вести, — было сказано ему. — Это очень плохо. Дядя на тебя пожалуется в милицию». Следовательно, мать, приведя его в гости, даже не представила. И сама, скорей всего, явилась незваной — без телеграммы.

— Ваня, ты ведь неладно делаешь-то, — сказала мать; в ее голосе слышалась скорее тревога, чем осуждение.

— Я только семечками плевался, а он думает, что слюной, — звонко доложил матери мальчик Иван Воропанов, и на этом эпизод теряет явственность очертаний. Возможно, что матери на подруга при этом с удивлением добавила:

— Ой, так его тоже зовут Иван? Как и моего?

Затем он помнит себя стоящим головой вровень с прилавком, на котором россыпью булки, конфеты, сигареты и спички. Вот как раз спички-то его и заинтересовали: на одной из коробок очень красивая и очень яркая этикетка с изображением птицы удад отклеилась, и обнаружилось, что этикетки-то две. Глупый мальчик Иван Воропанов, незаметно от продавщицы, эту коробку к себе подвигает и хочет наклейку оторвать. «Тебе чего, мальчик? Не трогай». — «Да он, наверно, этикетку хочет. Он этикетки собирает и наклеивает. Целый альбом», — говорит мать. И тогда продавщица милостиво снисходит — позволяет оторвать наклейку, а коробку велит поло-

жить обратно. Воропанов очень доволен, что ему досталась эта яркая картинка, из чего следует, что в молодости он довольствовался малым и его привлекало все яркое.

В этом эпизоде соль в том, что его опять заподозрили в дурном умысле, опять он в глазах воспитанных дядей и тетя выглядел шпаной и распущенным мальчишкой, но теперь уже совсем безосновательно. Потому что у него и в мыслях не было красть коробку спичек или, того хуже, сигарет. Нет, он не такой: этикетка-то все равно двойная, — жалко ей, что ли? Он заполучил этикетку и стоит любуется, а мать покупает в магазине какие-то продукты: возможно, до нее дошло, что подруга ей не очень-то и обрадовалась, что живут Сандаловы в тесноте и что надо хоть чего-то прикупить в магазине. Но ее сыну этого не понять: семечки, наклейки, проказы — вот область приложения его сил.

Но уже из этих двух воспоминаний очевидно, насколько неутомима вражда города и горожан к любому честному проявлению чувств и к прямым поступкам. И в обоих случаях Иван Воропанов тогда ощущал и сейчас вспоминает себя маленьким негодяем, бедокуром и преступником. Чуть только он чего-то такое свободное замыслил — хватать его по рукам! Тут-то на него и обрушивается кара. Но дальше — больше.

Из детских впечатлений тех дней семидесятилетний Воропанов вспоминает затем ванную комнату Сандаловых и туалет. Он хорошо помнит, что, показывая ее, тетя Аня Сандалова была полна законной гордости, а Зинаида Воропанова выглядела этакой кулемой, этакой распустехой в вязаной кофте с отвислой нижней губой; может, из угла рта даже текла слюна, кто знает? Но факт тот, что Иван запросился в туалет, потому что опился у Сандаловых этой штуки, которая называется «гриб»: в трехлитровую бутылку закладывают какой-то состав, вроде березовой чаги или недоваренной медузы, заливают кипяченой водой и оставляют на несколько дней в холоде; напиток кислый, приятный и немного дубит. Мальчику Ване, когда он закрылся в туалете, казалось, что мочевого пузырь у него вот-вот лопнет. Он уже совсем не мог сдерживаться, и штанишки, многочисленные штанишки, может, трое, потому что мать одевала его тепло, он даже не совсем стащил. Сидеть-то он сидел на унитазе, но из-за недоснятых трусов и потому,

что уже не было сил сдерживаться, поливал все вокруг: ванную, пол, кафельные стены, умывальник, швабру. Он столько, прости Господи, нассал тогда, что ему казалось, что смоеет его самого. Все вокруг было просто затоплено, как первобытными водами, но в унитаз из этого чудовищного разлива не попало ни капли. Мальчик Ваня Воропанов ощущал сладкое освобождение от мочи, но вместе с тем понимал, что он страшный преступник и грешник и что сейчас ему достанется. Он так и понимал, что про него думают, что он, деревенский растяпа, не умеет пользоваться унитазом. А он и правда не умел: в деревне, случись с ним такая же беда, все произошло бы без последствий: ну, пришлось бы высушить штанишки... А теперь...

Последующее забылось по той же причине, что и всякая неприятность.

Гостили они несколько дней, возможно — неделю, и все эти дни у матери с лица не сходило выражение заблаговременного извинения. Во всяком случае, как только всплывает положение, в котором он, мать и кто-то третий, как тут же вспоминается и это выражение терпеливой и покорной смиренности. Он чувствовал себя в те дни все больше уродцем и извращенцем, а мать — из-за него — все большей дурой, туповатой крестьянкой из деревни Красный Кут. Они тут привозят своих паршивых, золотушных и завшивевших детей, а потом за ними подтирают их грязную деревенскую мочу.

И дальнейшие события показали, что малолетний Иван Воропанов не способен приобрести навыки культурной жизни и хоть в чем-либо блеснуть, как на то надеялась мать. Она надеялась произвести им впечатление — на подругу Анну Сандалову, на ветерана войны Ивана Сандалова и на их сына Олега, семью годами старше, но произвела только впечатление полной его непригодности и всех насмешила. «Помолчи, сойдешь за умную» и «Куда ты со свиным-то рылом в калашный ряд» — вот какие пословицы и поговорки русского народа следовало бы ей вспомнить, прежде чем ехать в город на Волге на презентацию. Но в город она поехала, и презентация состоялась.

— Надо же: сама вся седая, а губы красит! — насмешливо недоумевала мать, доверяя свои соображения малышу и тем самым привлекая его к соучастию. — Ну, да ведь что: Ванька-то

зарабатывает много и не пьет, да еще и ее содержит. Ей только ногти да губы красить и остается. Где бы нам с тобой такого работника сыскать? Обраде-е-ели бы мы.

Мать вела его по тротуару, крепко держа за руку.

— Я скоро на моториста выучусь, стану много зарабатывать, — сказал Иван.

— Ты на какого моториста-то выучишься? Который Серега Фофанцев у нас на катере работает? Или который вальщиком в лесу на пиле на «Дружбе»?

— Который на катере. Ж-ж-ж-ж, трах-тах-тах-тах, поехали!

— Ну, так ладно, коли так, — успокаивалась мать, и они шли осматривать город дальше.

Но в тот же вечер, гуляя один возле дома, Иван заблудился и испытал большую досаду от местных мальчишек, которые пытались отобрать у него только что купленную свистульку. Свистулька была в виде скворца или, может, соловья — большой серо-голубой пластмассовой птицы, которая и в ладони-то не помещалась, а не то что во рту; внутри нее катался какой-то шарик, и она издавала залиvistые трели на всю улицу. Иван кружил в кустах неподалеку от дома и свистел направо. Откуда-то показались два местных пацана и направились к нему.

— Ты чем свистишь, покажи!

— Вот, — сказал гордый доверием горожан деревенский идиот Ваня Воропанов.

— У меня получше есть, — сказал этот мальчик, возвращая свистульку. — Такие у нас в магазине продаются. У меня есть губная гармошка, немецкая. Ты чей?

— Я к Сандаловым приехал.

— Мой брат вместе с Олегом учится, — сообщил новый знакомый.

На этом они безопасно расстались, но потом Иван не мог найти дорогу: все дома, пятиэтажные, белые, с балконами, были одинаковые, и он запутался. Еле-еле, весь в слезах, с помощью какой-то тетки он нашел свой подъезд. И тот факт, что мальчишки его пожалели и свисток не отобрали, а сам он заблудился рядом с домом, — это было лишним доказательством его непроходимой глупости. То ли он поступал вечно невпопад, то ли выдавал себя не за того, но только пренебрегали им на каждом шагу, и это притом, что явно попустительствовали: и та продавщица, и

тетя Аня, когда подтирала мочу, и мальчишки, и тетка, приведшая заблудшего к дому. И в кино его пустили бесплатно, с мамой, а напоследок он вообще получил подарок.

Было это так. У Олега, тонкого изящного подростка с длинным, анемичным лицом (каковы бы ни были житейские представления семилетнего Ивана Воропанова, но городских он представлял именно такими: изнеженное лицо, истома в глазах, одет с иголочки, культурно выражается, не пьет и не курит), был для утренней физической зарядки ручной эспандер — длинная, в два ряда резина песочного цвета: он заступал ее ногами, а концы подтягивал кверху — раз до двадцати и более. Он стоял у кровати — весь тонкий, жилистый, изящный, в майке, прямо физкультурник с плаката, и без конца со стоном вытягивал эту резину, а ленивый деревенский мальчишка Иван Воропанов завистливо наблюдал за ним и думал: вот какими должны быть настоящие, правильные дети. Они не пьют, не курят, не гуляют, по утрам проветривают спальню и делают шпагат и упражнения с эспандером для развития мышц. Но только он что-то все равно бледный очень, этот Олег, и лицо, как у жеребенка, — вытянутое. Но зато подстрижен и причесан, как артист.

И тут он тоже захотел попробовать — поупражняться с резиной. Но она оказалась такая тугая, что он не вытянул и трех раз: кожилился, пыхтел, а запястья подгибались, и вытянуть резину на высоту поднятых рук так и не сумел. Все четверо над ним посмеялись, особенно мать, и подобревший подросток Олег вдруг произнес милостиво:

— Бери. Я тебе ее дарю: у меня еще одна есть. А то ты что-то слаб.

И, одуревший от радости, Иван весь следующий день и еще полдня возился с резиной: казалось, что если он будет постоянно заниматься — накачивать мускулы, то скоро разовьется и перестанет чувствовать себя недотепой. Ему было еще невдомек, что, чтобы успешно развиваться физически, нужно хорошо кушать, получать с пищей полезные вещества. Но все равно: было приятно иметь в собственности такую резину, и перед отъездом мальчик с гордостью тщательно уложил ее в багажную сумку матери.

В этом путешествии мать проходит не фоном, а отдельными впечатлениями: вот как идешь вдоль забора или парапета — и в просветы щелей

открывается наружный мир, иные перспективы и заманчивые дали, — так и тогда: вспоминаются только положения, когда — из-за своих ошибок и промахов — он входил с матерью в соприкосновение, постигал особенности людских взаимоотношений; а в привычном состоянии окунался опять только в скудность внутренней жизни: доски забора, парапет... Его косность была даже сильнее, чем вторжения внешнего мира, так что теперь, когда у семидесятилетнего старого петуха Ивана Воропанова остались вообще только впечатления внешнего мира, — и никакой закрытости, никакой заслонки и косности в сознании, ему жаль того времени. Он жалеет, что не остался идиотом и маленьким деревенским дебилом, который от всякого вторжения мира плотно закрывается серыми досками косной, непроявленной внутренней сути. Может, ему следовало продолжать оставаться сопляком, паршивцем, дурачком в коросте, в прыщах и аллергической сыпи, с косоглазием, близорукостью и кучей тех дефектов, с которыми жизнь так уютна. Может, ему и после тридцати трех следовало сидеть на печи, а не уходить воевать в пользу этого дурака — киевского князя. Чего соблюдать чужую пользу, когда своя печь проселась? И разве братья не смогли бы его прокормить, а тараканы — развлечь? Но в том-то и дело, что со временем заслонок для восприятия становится все меньше, и если в прежние проемы проникала лишь мать, то впоследствии субъекты восприятия начали его просто-напросто мучить и изводить.

Вот тогда бы и закрыться для впечатлений, навеки, навсегда. Дурак и дурак — чего с него взять? И наплевать бы на этикетки, эспандер, свистульку и прочую чепуху. Он хотел бы родиться обратно и ничего не знать. Он хотел бы так закрыться от мира, чтобы мир его не познал, не раскрыл, как жемчужницу — ловец жемчуга; потому что в изначальном отношении к миру было много хорошего — зависимости, закрытости, цельности, беззаботности.

Мы не можем (недостает изобразительного мастерства) наглядно, кинематографически представлять недельное пребывание мальчика в гостях у тети Ани Сандаловой, сухой, подвижной, деятельной женщины с быстрой речью. Возможно, оно где-нибудь отложилось, как вспухает и без следа разглаживается мелкий во-

дворот на реке, но к 70-летию Воропанова бытие исчезло у всех четверых, и где то их совместное пребывание, никто не знает. Но старика с богатым опытом напоследок всерьез занимает вопрос: не по этому ли закону строится социальная жизнь на Руси? Которые живут в этажных домах, те возводят иерархическую лестницу, сидя друг у друга на плечах, а которые видят горизонт и идут за плугом в поле, те пластаются по житейской горизонтали и никогда ничего не достигают в жизни — ни богатства, ни положения в обществе, ни места в истории. Если это так, то у него лично, у Ивана Воропанова, наделано много ошибок.

Заключительное воспоминание и вовсе не веселое. Мать что-то осознала после этой поездки (или что у нее поболее сил, чем у подруги, и ни к чему ей прибегать к хитростям, уловкам и приспособлениям цивилизованной жизни, или что, напротив, нужно активнее осваивать данности, чтобы хотя бы помочь сыну, пентюху и простаку), но только из города на Волге в Логатов они возвращались на самолете. Как сядились, летели, что видел — этого он не запомнил, а запомнил только, что лежит на зеленой травке аэродрома в забытьи, а мать с состраданием склоняется над ним и говорит:

— Ну, не знаю, Ванька, ты прямо какой-то нетленный. Все люди как люди, сидят смиреннохонько, а ты извертелся весь. Ведь нисколько же не страшно, и не трясло нисколько. Тебя тошнит, что ли?

— Да не, мам, — миролюбиво возражает Иван. — У меня просто ноги не ходят после самолета и кружится все. Голову обносит...

— Да? Вот почему ты такой бледный. Ну, полежи, коли так. И летели-то сорок минут.

— У меня, понимаешь, земля кружится под ногами. Я когда из самолета вышел, думал, упаду.

— Полежи, полежи. Я думала, ты испугался. Ростопеля ты все-таки, все-то у тебя накриволысо выходит. Мне ведь тебя не донести. Я думала, тебя на рвоту потянуло, мешочек приготовила. Не надо было, вишь, наедаться-то нам перед дорогой, а мы эва как намякались...

Ваня лежал на летном поле в стороне от дорожки и понимал, что он опять оконфузился: самолет его так же не принял, как и ванная с унитазом. Утешение состояло в том, что, хотя он нелепый ребенок, мать его любит и не оставит. Но что-то в таком к нему отношении людей и вещей показалось ему до обидного несправедливым. Как если бы его заставили ремонтировать дамские часики, а он Гулливер и не способен даже разглядеть их: такие они крохотные. Эту микроскопическую работу они велят ему делать, а сами его испытывают всякими гадостями, которые превышают его детское разумение.

— Ты этот эспандер-то взяла ли? — обеспокоенно спросил он.

— Взяла. Пошли давай. А то еще на автобусе народищу не протолкнуться. Когда-то домой попадем.

— Я буду эспандером мускулы накачивать, чтобы тебе со мной не мучиться.

— Ну-ну, — покладисто усмехнулась мать. — Но летчиком тебе точно не бывать. Странная какая эта Анька: и губы красит, и ногти. И целый-то день палец о палец не колонет...

□

Алексей Николаевич ИВИН

*родился в 1953 г. в деревне Нижняя Печеньга
Тотемского района Вологодской области.*

Окончил Литературный институт им. А.М.Горького.

*Работал в вологодских газетах,
в журналах «Сельская молодежь» и «Наш современник»,
в Московской писательской организации, в издательствах.*

*Публиковался в журналах «Арион», «Дружба народов»,
«Знамя», «Москва», «Памир», в «Литературной газете»
и ряде других периодических изданий.*

Живет в г. Киржач Владимирской области.

В журнале «Север» публикуется впервые.

